

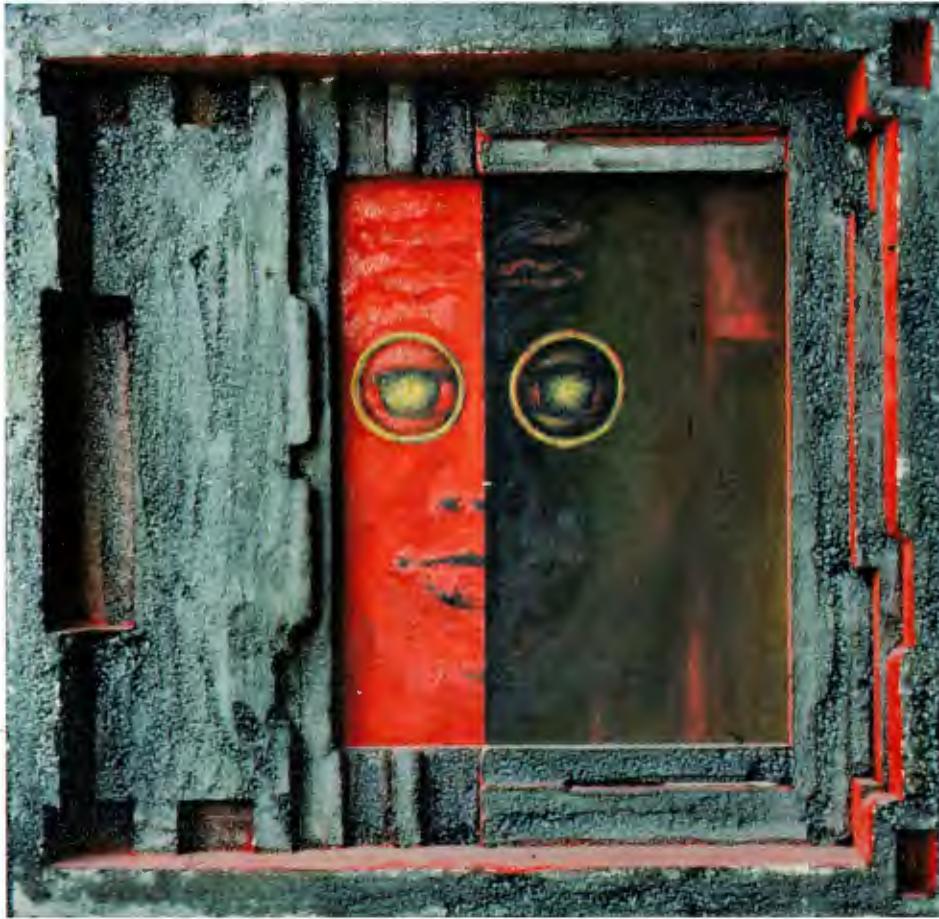
Виктор
Олюнин

Экспозиция

Моей маме, Зое Григорьевне Олюниной,
пережившей вместе с участниками этих
событий то неспокойное время,
посвящается.

Н. Федореев. Я участник – я свидетель.
Пеноопласт, нитро

Виктор Олюнин
Экспозиция

Виктор Олюнин

ЭКСПОЗИЦИЯ

Дизайн и макет книги:
Иг. Шуров, Дм. Шуров

Специальная фотосъёмка
и обработка негативов:
Дм. Шуров

Предпечатная подготовка:
М. Онохина
Корректор:
Е. Федотова
Выпускающий редактор:
М. Федотов

Олюнин Виктор Николаевич в 1983–1988 годах возглавлял отдел культуры Свердловского горисполкома. Человек, который непосредственно участвовал в организации легендарной безжюрийной выставки неформальных художников, проходившей в Доме Культуры Ленинского района города Свердловска в 1987 году. Человек, взявший на себя ответственность, разрешив открытие выставки в полном объеме – без снятия острого социальных работ.

Эта книга – первое достоверное и документированное издание, в котором рассказывается о том, в каких условиях создавалась и проходила первая выставка свердловских неформальных художников. Выставка, которая была собрана и открыта без выставкома.

Издание иллюстрировано и будет интересно широкому кругу читателей.

Подписано в печать

Формат 168x240

Тираж 500 экз.

Мастерская Игоря Шурова г. Екатеринбург
тел. 8-908-903-57-11, e-mail: igshurov@yandex.ru
Отпечатано в типографии ООО «Полипринт»
620102, г. Екатеринбург, ул. Начдива Васильева, 1
Тел.: (343) 212-01-04, факс: (343) 212-17-96

Виктор Олюнин
ЭКСПОЗИЦИЯ

Содержание

5

Предисловие

6

Записки «культуртрегера»
восьмидесятых годов
прошлого столетия

34

О Времени...
Или 25 лет спустя

79

Иллюстрации

104

Игорь ШУРОВ.
Послесловие

© Виктор Олонин
Экспозиция 2012

II ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА,
посвященный 70-летию Великой Октябрьской
социалистической революции

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА

Афиша выставки.
Фото Дм. Шурова

Выставка открыта в Доме культуры Ленинского района
по адресу: ул. Сурикова, 31 с 13 до 20 часов,
в субботу, воскресенье — с 11 до 16 часов

Предисловие

Уважаемый читатель! Перед вами носильные и, конечно, весьма субъективные соображения на тему, которую задали мне бывшие мои «коиногенные», если не сказать идеальные противники, в те годы далёкие годы Перестройки в ССР. Озадачившую сторону представляли художники-нонконформисты 80-х годов прошлого века – Лев Хабаров и Игорь Шурев, а ваш покорный слуга в то время был их активным и строгим критиком.

Речь пойдет о нашумевшей выставке художников-авангардистов, одной из первых в советской истории и первой на Урале, состоявшейся в 1987 году в Свердловске по адресу – ул. Сурикова, 31.

Получилось, что на заданную тему появились два взаимосвязанных, но все же самостоятельных эссе. Одно посвящено 20-летию, а другое 25-летию выставки на ул. Сурикова, 31. Первое скорее повествовательное, о том как произошло это событие в тогдашней нашей стране, а второе претендует на некоторый анализ: почему состоялась эта выставка ранней весной 1987 года, – и главными действующими лицами в нем выступают не столько люди, сколько Время и его Реалии.

Записки «культуртрегера» восьмидесятых годов прошлого столетия (к 20-летию выставки свердловских художников по ул. Сурикова, 31)

Не скрою: меня приятно удивил звонок Льва Леонидовича Хабарова в начале декабря 2006 года с просьбой написать воспоминания об истории выставки «подпольных» художников в Свердловске в уже далеком 1987 году. Прежде чем приступить к историческому экскурсу, делу для меня новому и потому рискованному, хотел бы пояснить уважаемому читателю, кто я такой и почему имею право рассуждать здесь о времени и о себе.

В 1983 году меня, Олюнина Виктора Николаевича, партия (была в то время она одна – КПСС!), как тогда говорили, «бросила» на культуру. И в 1983-1988 годах я возглавлял отдел культуры Свердловского горисполкома. Мне повезло: я застал на этом посту инерцию брежневского Застоя, крутизну андроповского Наведения Порядка и, конечно, начало горбачевской Гласности. Почему повезло? Потому, что было в высшей степени интересно видеть и в известной мере участвовать в действительно историческом процессе смены общественно-политического строя в

нашей стране. Это было время скрытой до поры до времени борьбы внутри партии и общества за поиск путей развития «одной шестой мира». На моих глазах развертывались друг против друга, как минимум, две силы внутри партийных, советских, правоохранительных и общественных структур: «слева» (имеется в виду политический спектр, устремленный к кардинальным преобразованиям) – те, кто хотел и видел пути либерализации и модернизации системы, конечно же, по западным образцам (других-то не знали!), а «справа» были ортодоксы-консерваторы, которые выступали за сохранение статус-кво по всем направлениям жизни страны путем усиления идеологической обработки советских граждан и наведения порядка «железной рукой». А уж потом... А что потом – по-моему, никто не знал...

Эти две «партии» внутри КПСС, конечно, не были оформлены. Пограничные линии между ними проходили по столам и кабинетам. Все это было по-византийски завуалировано, скрыто от общественного мнения. В Свердловске «либеральную» часть КПСС, на мой взгляд, представляли В. Сартаков, С. Стародубцев, С. Корнилова, Н. Маликов, В. Лукьянин, Г. Бурбулис, Ю. Кирьяков, Л. Закс, Р. Исхаков, Ю. Матафонова и др.

Именно эти и некоторые другие работники и активисты идеологических подразделений КПСС стали участниками событий, о которых я расскажу дальше. Про себя могу сказать, что во мне болезненно боролись верность единожды принятым обязательствам перед Советским государством и КПСС, с одной стороны, – и в этом я был консерватором, – а с другой стороны – понимание ущербности политico-идеологического упрямства и лицемерия «старой гвардии» перед неминуемо грядущими эпохальными переменами.

Все началось с горбачевской Гласности. Начиная с 1986 года, советский строй уже трещал, как бочка, содержимое которой забродило, а сама бочка давно рассохлась. Обручи режима ослабли, досочки контроля и сдерживания свободы слова разошлись, крышка общественного мнения начала подпрыгивать, дно угрожающе набухло... «Неформалы»; несанкционированные выставки и концерты; нашествие рока, бардов и фантастов; уличные митинги, публичные скандалы недовольных и несогласных; внесистемная общественная активность; наконец, легализация «ферментов» капитализма – кооперативов... Пошло-поехало! Партия и советская власть не поспевали за процессом...

Большая часть видимых проявлений Гласности либо изначально возникала в среде деятелей искусства и культуры, либо размещалась «мудрой» партией на площадках культуры. Тем самым политico-идеологический поиск, начавшийся лавинообразно в обществе, «опускали» на уровень «культурной революции». Собственно, поэтому городской отдел культуры в те годы превратился во фронт-офис партии, где на дальних подступах предполагалось остановить «противника»...

Именно в кабинете руководителя городского органа культуры и состоялось первое заседание создателей громко знаменитой в конце 80-х в Свердловске «Городской дискуссионной трибуны», которая начала свое существование с обсуждения вопросов культуры, а закончила PR-кампанией первых руководителей новой России. Но это уже другая тема, другая история. Будем придерживаться, как учила «мудрая» КПСС, рамок «культурной революции» 1980-х.

Могу ответственно сказать: первая легализация инакомыслия и новой, рыночной, экономики в нашей стране в период Перестройки произошла именно в организациях культуры. Художники-авангардисты, альтернативные театры, барды-диссиденты, рок-музыка, откровенные фильмы и открытые «закрытые» показы – все это появилось в эти годы.

Первые кооперативы, т.е. предпринимательские структуры, возникли именно в сфере культуры или под крышей культуры, как сказали бы сегодня. Да и чего можно было ожидать от самых творческих, креативных и самых «придавленных» системой деятелей культуры и искусства?! Сила противодействия равна, а в отдельные моменты общественного развития — превышает силу действия. Пружина начала разжиматься с невиданной мощью и размахом. Держать ее силой и запретом стало не только недальновидно, но и невозможно.

Особенно остро проходило столкновение старого и нового в сфере изобразительных искусств. Ибо этот род творцов менее всего удалось отзомбировать, «отрихтовать» коммунистической идеологией и превратить в «агитпроп» КПСС. Но не последнюю роль в их «непартийности» сыграло непростое, подчас эзоповское мироощущение и формотворчество художников. Да и вообще, было непонятно: где они живут, на что существуют, где работают. «Ухватить», «прищучить» их, в отличие от деятелей литературы, кино, театра и эстрады, было гораздо труднее. Хотя и тут были свои механизмы воздействия на «уклонистов» — от генерального эстетического метода КПСС — «социалистического реализма», который был призван доводить до власти (и уже потом — до народа!) идеи,

приятные, в первую очередь, для нее по содержанию и, что немаловажно, в доступной для власти форме. Лояльным художникам давались заказы, мастерские, места на выставках, почетные звания; в конце концов они получали известность, что для творца совсем не безразлично. Иным же – инакомыслящим, инакодействующим – забвение и притеснения! Их «выдавливали» из мастерских и выставок, в конечном итоге – из творчества, из СССР. И многие уехали, спились, изверглись, ушли из жизни...

Оставшиеся в те времена тоже разделились на тех, кто искал выход из небытия, и тех, кто как бы сохранял статус-кво. И вполне закономерно, что эти *первые* из творцов и те, *первые* – «либерал-коммунисты» – из власти начали находить друг друга. Так в моем кабинете появился Лев Леонидович Хабаров, директор городской вечерней художественной школы, где учились уже взрослые люди. Школа была скорее клубом, объединением непризнанных («неформальных»), но считавших себя талантами (не без оснований!) художников, по разным причинам не вписавшихся в рамки системы и официального Союза художников...

Политико-идеологический прессинг заставлял их творить еще «более художественно», чтобы передать наиболее точно свое миропони-

мание. Уверен, что именно несвобода в России порождала (видимо, от обратного!) уникальные творческие стили, манеры; рождала истинных художников, которые только в оппозиции к власти, в условиях тотальной цензуры способны восставать «в полный рост». Такова особенность бытования искусства в России, по-моему, во все времена! А в *то время* художники были, пожалуй, самыми опасными критиками системы, ибо их творческий анализ действительности был наиболее зорким, концептуальным, он глубоко поражал своей точностью фокусирования на той или иной болевой точке общественного сознания. Власть боялась их больше всего. Закрыть их было труднее других искусств. Поэтому открывали их нехотя и с большими оговорками.

Вспоминается такой эпизод. Когда меня принимали на работу в качестве руководителя культуры города, один из «нанимавших» сказал примерно следующее: «Ну, с театралами, музыкантами, писателями там всякими нетрудно совладать – если что, одним отрубим электричество, другим пожарники залы закроют, третьим не дадим опубликоваться... А вот с художниками надо в оба. Эти всегда фигу в кармане держат. Разжать эту фигу или нашупать ее в кармане – это то, что Вам предстоит на Вашей новой работе в первую очередь... И вообще, смотрите, Виктор

Фото Н. Боченина

Неофициальная выставка в мастерской Н. Федореева

Л. Баранов.
Из зерна иронии вырастут бегонии.
Холст, масло

Фото Дм. Шурова

М. Таршис.
Даная и святыньник.
ДВП, масло

Николаевич, не «просрите» социализм на вверенном Вам участке идеологического фронта»... (Пардон за буквальное цитирование в этой части наставления перед приемом на работу, но, уверяте, так было!).

Короче – найти и обезвредить. И вместе с должностью вручили мне, как сегодня бы сказали, билет на войну. На войну с художниками как главными врагами отмирающего строя. Так я стал, как часто обзывали меня тогда, «культуртрегером», то есть человеком, «измеряющим» явления культуры собственным мерилом, заключенным в самом себе (естественно, при помощи «партийности» и «единственно верного» эстетического метода – «социалистического реализма»). Именно в этот момент поиск идеологических противников внутри страны был резко активизирован со стороны «консерваторов» в КПСС. Одновременно «либерал-коммунисты» искали пути выпуска пара из вскипевшего общественного котла... Так что не одни «либералы», рекрутированные из общества, но и «либералы» от власти были в муках поиска...

Так вот, как я уже говорил, именно в этих условиях, в это сложное противоречивое время ко мне, тогда заведующему отделом культуры Свердловского горисполкома, и пришел директор вечерней художественной школы и по совместительству предводитель неформалов-художни-

ков Лев Леонидович Хабаров. Был он тогда человеком молодым, интеллигентным и «приятным», как нам казалось, для «культуртрегерских» манипуляций с его объединением художников. Но этому негромкому, искреннему в своих целях и очень упорному в изнурительной бюрократической работе с нами человеку удалось не только наладить с властью устойчивый контакт, но и подсказать ищущим «либерал-коммунистам» несколько ходов из тупиковых ситуаций в «борьбе» с художниками. Он терпеливо, с пониманием сложности процесса взаимного поиска вел работу по легитимизации и признанию «неформальных» художников. Он, как мудрый педагог, посвящал меня и других сотрудников отдела культуры во внутренний мир непризнанных художников. В результате непростой, но уже совместной работы с более высокими представителями власти нам удалось придать хозрасчетный статус объединению художников под руководством Л.Л. Хабарова и «отвоевать» 2-3 дома под мастерские и выставочные залы в центре города на Сакко и Ванцетти, 23, 25.

Но эти полумеры неформалов-художников не удовлетворили. Они рвались из подполья на большую выставку непризнанных работ непризнанных художников... Котел в этой части «культурной революции»

закипал с невиданной силой и быстротой. Художники угрожали (и уже пытались!) провести несанкционированные выставки прямо на площадях и улицах Свердловска. А это уже была бы акция, подобная митингу и демонстрации диссидентов. Такого в то время режим не выдержал бы точно, и хрупкое равновесие в такой сфере, как культура, могло бы надолго нарушиться. В конце концов могли бы пострадать как сами творцы, так и им сочувствующие «либерал-коммунисты». Надо было что-то делать!

И вот у меня, в отделе культуры, собирается инициативная группа, состоящая из художников – Л. Хабарова, В. Гончарова и других, – а также нескольких «культуртрегеров» – работников отдела во главе с моим заместителем Н.С. Кирьяковой. Идет горячее обсуждение, кого и что выставлять. Наконец, решили объехать все закутки, подвалы, чердаки и «творческие хазы», где творили «неформалы», чтобы на месте отобрать выставочный материал. Поехали. То, что мы там увидели, нас поразило. С одной стороны, нам открылся невиданный до той поры, интересный творческий потенциал художественного «андеграунда». С другой стороны, мы были поражены степенью запущенности нашей общей социально-политической болезни, связанной с кризисом коммунисти-

ческой идеологии. С третьей стороны, мы были ошарашены искренностью этих маргиналов-художников в их мысле- и формотворчестве. Закрыть тему уже нельзя – таков был однозначный наш вывод.

Сходили, как тогда водилось, «посоветоваться» в горком и обком партии, к своим начальникам в горисполком. Там вслушались в нашу озабоченность и начали гадать, что делать – дать или не дать возможность художникам выставиться. Одни говорили: «Надо пробовать!» – Другие: «Не пуштать!». В конечном итоге мне сказали, мол, ты – начальник культуры, ты – коммунист, тебе, под твою ответственность, государственную и партийную, и принимать решение. Если выставка провалится, и будет критика «сверху», то тебе придется ответить и перед партией, и перед государством. Легко сказать: брать на себя практически антигосударственное и антипартийное дело. Ведь художники требовали «безжюрийную» и «бескомиссионную» выставку, т.е. практически – дать ход показу выставки *без цензуры*. Такого тогда, весной 1987 года, еще не было!!! Правда, меня обещали поддержать уже названные мною «либерал-коммунисты». Но хватило ли бы у них самих мощи отстоять перед вышестоящими властями всех нас в случае провала???

Здесь уважаемому современному читателю необходимо дать несколько пояснений о сложности и рискованности принятия такого решения во времена советской власти и господства КПСС.

Если кому-то сегодня кажется, что в те времена все делалось вне правового поля и чисто волонтистски некомпетентными людьми, то могу, как очевидец и участник, со всей ответственностью заявить: политico-идеологическое управление в сфере культуры было четко оформлено в правовом отношении, прекрасно организовано и totally контролировалось. Иначе бы не удержать было 70 лет советских творцов в лоне «партийности» и коммунистической идеологии. Конституция нашей страны того времени закрепляла знаменитой шестой статьей за КПСС «ведущую и направляющую роль в государстве и обществе», что означало господство марксистско-ленинской идеологии и членство в КПСС всех руководителей во всех областях и сферах жизнедеятельности. Практически любое явление в нашей стране рассматривалось с позиции «партийности» и «идеологического соответствия» целям КПСС, особенно, в культуре и искусстве, которые вообще рассматривались как часть агитационной и пропагандистской машины КПСС, ибо напрямую выходили на широкие массы советских людей.

В период наступающего кризиса коммунистической идеологии в 80-е годы прошлого столетия и соответственно нарастающих усилий КПСС по реидеологизации всей жизни, идейно-художественная «чистота» продукции культуры и искусства особенно рьяно отслеживалась партийными и государственными органами. Ответственность руководителей органов культуры за эту «чистоту» резко возрастала. Дисциплинарная ответственность за отклонения от партийной идеологии была повышена и означала практически поражение не только в партийном статусе, но и автоматически – в гражданских правах. Более того, провинившимся грозило всестороннее преследование. В связи с таким «вниманием» партии к вопросам культуры вторая практически находилась под контролем первой и руководствовалась партийными документами и установками. И не только. На каждом спектакле, представлении, концерте выделялись специальные места для «смотрящих» от партийных и правоохранительных органов, а также от органов культуры. Ни одно печатное слово не выходило в свет без «литовки», т.е. без цензурирования специальным органом – Обллитом.

Таким образом, ни одна выставка художников не могла появиться без многоэтапного ее просмотра и приемки (под протокол!). Никакой

безжюрийности быть просто не могло! Эти правила основывались на нормативно-правовых документах Совета Министров РСФСР и Минкультуры СССР и РСФСР. Именно в этих постановлениях и положениях главную ответственность за выпуск в свет, за публичный показ того или иного явления культуры и искусства несли соответствующие органы культуры, их руководители. Но и это не все. Для тех, кто нарушал партийную и советскую дисциплину в этих вопросах, существовали, как минимум, 2 статьи Уголовного кодекса РСФСР. Так, статья 190 «прим» предполагала вполне сталинское наказание с «посадкой» – «за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а статья 70-я – «за антисоветскую агитацию и пропаганду» – и того хуже! Уверяю вас, дорогой читатель, под эти две статьи можно было «подвести» немало творческих поисков тогдашних советских творческих людей и, в первую очередь, художников, которые, видя точнее многих крах большевистской идеологии, не могли не «порочить строй» и не «агитировать за иное». Поверьте мне, от таких шор освободиться было маловероятным. Поэтому открыто инакомыслящих и инакодействующих были единицы, и все они были на соответствующем учете и контроле. Остальные «варили» идеи свободы в головах и на

кухнях, и винить этих людей в конформизме и оппортунизме было бы большой ошибкой и недомыслием. Кстати, эти правовые рамки действовали до начала 1990-х годов, пока вместе с СССР не ушли в небытие и его законы...

Вот почему в начале 1987 года идея провести безжюрийную, бескомиссионную выставку, мягко говоря, спорных художников была сравнима с революцией или, скорее, *с переворотом* в сфере культуры и нарушением всех цензурных норм и документов той поры. Но назад хода уже не было. «Либерал-коммунисты» от культуры взяли на себя ответственность все же провести эту выставку. Была еще одна трудность — ни один официальный выставочный зал для этой выставки не мог быть использован. Это было сродни ситуации, когда в операционную пускают неопрятного человека с улицы. В отделе культуры горисполкома снова заседает импровизированный оргкомитет по этой «левой», как сегодня бы сказали, выставке. Гадаем: где ее разместить? Эх, было бы летом... Но за окнами был февраль-март. И ждать до лета никто не собирался. По некоторым данным, «неформалы» готовили публичный демарш под объективами уже появившихся тогда в нашей глубинке западных СМИ. Скандал мог разразиться в любую минуту. Да и мы сами, не столько боя-

лись скандала, сколько вопреки коммунистическому воспитанию жела-ли этой свободной выставки как своеобразной разрядки напряженности в сфере, в которой работали не только за страх, но и на совесть!

Как всегда в таких случаях, помогло стечеие обстоятельств. Как раз в это время в Ленинском районе Свердловска по ул. Сурикова, 31 готовился к сдаче пристрой к жилому дому, где должна была разместиться детская библиотека. Не без проблем пришлось уговаривать районное начальство и «читательскую общественность», чтобы временно (никогда не соглашайтесь на временные варианты! Потом это здание никогда не было библиотекой) на этих площадях разместить уже ожидаемую всеми выставку свердловского андеграунда. Обращаю внимание уважаемого читателя! Диссидентская выставка расположилась на улице имени великого художника Сурикова Василия Ивановича, в непосредственной близи к городскому управлению внутренних дел. Прямо символизм какой-то! После того как здание было принято госкомиссией, в ней очень дружно и инициативно в считанные дни была смонтирована доселе небывалая выставка работ более 200 художников-подпольщиков.

Основные подготовительные работы закончились уже ближе к полуночи. Я прошелся по двум этажам импровизированной выставки и опять

ужаснулся дерзости выставленных работ. Здесь были: антиафганский пацифизм; обличение гулаговского сталинизма и брежневского маразма; русофильство и русофобство; фрейдизм и эротика; критика строя, власти и многое-многое другое, о чем тогда говорили только по Би-Би-Си или на кухнях... Это, конечно, был *вызов* партийной и советской идеологии и морали, а также явное нарушение всех норм и правил выставочной деятельности. Холодное дуновение страха коснулось меня... Но его опередило горячее дыхание жаждущего свершения исследователя.

Честно признаюсь: руки тянулись кое-что снять с выставки, пытался посоветовать художникам кое-что не выставлять, кое-где перевесить — словом, «причесать», как и подобало «культуртрегеру». Но художники стояли твердо на безжюрийности. И даже остались ночевать в карауле около своих картин. В один из предпоследних дней перед открытием выставки поздно вечером к зданию по Сурикова, 31 подлетело несколько характерных черных спецмашин. Приехавшие пробежались по выставке, многозначительно посмотрели на меня, как бы еще раз предупреждая об ответственности, и, переложив ее на меня, удалились. К чести Н.В. Маликова, курировавшего художников в то время в обкоме

Н. Федореев.
Парад-алле.
Пространственный
коллаж

Фото
Н. Боченина

Н. Федореев.
Лидер и обыватель.
Металл, нитро.

Фото Н. Боченина

партии, он был, пожалуй, единственным, кто открыто поддержал меня и Н.С.Кирьякову, моего заместителя, в этом эксперименте. Позиция других работников партийных и советских аппаратов была менее явно выражена, хотя сочувствующие из числа упомянутых мной «либерал-коммунистов» не раз образовывали «стенку», позволявшую нам «биться» за свое понимание развития процессов в партии, культуре и обществе.

А художники, словно дети, были подчас неблагодарны и жестоки к своим «родителям» — нещадно критиковали, обвиняли, закатывали истерики и подозревали нас в провокаторстве и... «культуртрегерстве», конечно. Но спасибо Льву Хабарову, который к тому времени меня посвятил в потаенные механизмы сознания и поведения его собратьев. И мне было уже понятнее, как с ними работать. Работа была непростая, но очень интересная и, самое главное, — обоюдовыгодная. Мы начали друг друга понимать и сотрудничать во благо лучшего будущего.

Ранним утром перед открытием выставки и художники, и «отсутствующее жюри» пребывали в праздничной тревоге: как воспримет зритель все это? В залах уже было немало народа — родственники, знакомые и другие «фанаты» художников. И все эти совершенно разные, более того, даже чуждые друг другу до недавнего времени люди, стали вдруг одной

командой, играющей против «ретроградов» и «консерваторов», чинуш и ханжей за *нечто новое*, еще неясное, но очень желаемое. Несколько сотен работ, десятки художников: дилетантов и профессионалов, виртуозов и начинающих, сюрреалистов и сторонников поп-арта, фанатичных фигуративистов, трансреалистов и отъявленных абстракционистов — им всем нашлось место в этой экспозиции. Здесь были: живопись, графика, конструкции, скульптура, фотография, коллажи и просто артефакты неопределенного свойства, типа акварели на крышках посылочных ящиков, коллекции стеклотары, раскрашенные табуретки и кирпичи... И почти не было «социалистического реализма», так любимого партноменклатурой. Среди пошлой пены, вакханалии антиискусства и китча, разнужданного и не обеспеченного талантом тщеславия на этой выставке появилась из подвалов — на свет — целая группа авторов, явственно заявивших о том, что в Свердловске есть действительно интересные и даже крупные художественные дарования, есть отмеченные Богом художники: Н. Гольдер, В. Махотин, В. Гардт, В. Гончаров, Б. Хохонов, И. Шуров, Н. Федореев и другие...

Итак, выставка, которую ждали все, открылась. К вечеру того же дня ко входу уже стояла очередь. А к концу недели хвост очереди уже «тор-

Иг. Шурев.
Встреча с народом.
Картон, гуашь.

Фото Дм. Шурова

Иг. Шурев.
Как интересно.
Картон, гуашь

ДК по улице Сурикова, 31. Очередь на выставку

Фото А. Гордиенко

чал» за квартал от входа. На выставку приезжали из других городов области и страны. Ее «пасли» журналисты разных мастерий. Критики устраивали дискуссии вокруг нее. Об этой выставке, получившей название по адресу своего расположения «Сурикова, 31», целых несколько месяцев говорили в городе, в кругах специалистов, журналистов, критиков, диссидентов, в партийных органах и Союзе художников. Словом — выставка не провалилась!

Победителей не осудили. Но и не похвалили. Что уже само по себе тоже было необычным. Что касается отвечавших за выставку и самих художников, то первые были удовлетворены тем, что эксперимент удался, был найден путь к диалогу с «художественной оппозицией», а вторые, пробившись на свет, начали всерьез задумываться о нормальной художественной жизни. Именно после выставки на Сурикова, 31 появилось несколько уже легальных объединений художников: «Вернисаж», «Художники с Ленина, 11», «Художники с Сакко и Ванцетти, 23, 25» и, собственно, объединение художников «Сурикова, 31». Они начали обустраиваться: у них появились помещения, статус, им стали предоставлять выставочные площадки. Вскоре Свердловск превратился в город с развитой инфраструктурой объединений, работавших в сфере

изобразительных искусств. Возникло несколько галерей и аукционных предприятий. И уже через год – весной 1988 года – бывшие «непризнанные» получили возможность выставляться в самом престижном месте – главных залах Свердловского музея изобразительных искусств.

Слава выставки на Сурикова, 31 вскоре была перекрыта молвой и PR, как бы сказали сегодня, вокруг других уникальных явлений тогдашней нашей действительности – легализовались рок, барды, фантасты, видеоклубы, кабельное TV, концертно-эстрадные кооперативы и многое другое, что сегодня уже не трогает, а в то время было запредельным. Апофеозом либерализации духовной жизни конца 1980-х стала «Городская дискуссионная трибуна», которая, как я уже отметил, тоже начиналась как новое явление в сфере культуры и лишь потом превратилась в «похоронную команду» умирающего режима...

Не выполнил я наказа высокого начальника, принимавшего меня на работу в культуру, не справились со своими задачами и другие партийные и советские работники: «социализм просрали»! А вместе с ним – и СССР...

Воспринял я это как огромную трагедию, потому что искренне верил в идеалы, прописанные в теории социализма, и с энтузиазмом работал

на практическое их достижение. С другой стороны, я был среди тех, кто не менее дерзновенно пытался модернизировать нашу страну в 80-е годы, пусть на небольшом вверенном мне участке работы. Поэтому критику и косые взгляды «товарищей по партии» воспринимал как награду за то, что получилось сделать.

И через несколько месяцев, осознав бесперспективность политики «сдерживания» и вдоволь нахлебавшись от «консерваторов» в партийном и советском аппарате, подал в отставку (хотя в то время не было принято уходить добровольно из «номенклатуры») и перешел на преподавательскую и научную работу. Ни «консервативный», ни «революционный» вариант развития событий к тому времени мне уже не казался панацеей — и те и другие были «хороши»! Так я ушел из политики и, заодно, из культуры, в том ее понимании, когда ею нужно было руководить. Был «культуртрегер», да вышел весь!

Ни о чем из пережитого в те годы не жалею. Все было не зря! Другое дело, что из этого получилось... Но это уже другая тема, другой разговор, уважаемый читатель.

О Времени... Или 25 лет спустя (Автор – тот же. Вдохновитель – Игорь Шуров, художник-авангардист, мой оппонент в 1987 году и единомышленник в 2012 году)

Как известно, время диалектически связано с пространством. Так вот, в нашем случае для лучшего понимания того времени совершенно необходимо понять, в каком пространстве оно возникло.

А это пространство – 1/6 часть суши, расположенная в двух частях света, страна размером с материк, которая до конца 1991 года называлась Союз Советских Социалистических Республик! В то время наша страна носила звание сверхдержавы, деля ответственность за судьбы мира со второй сверхдержавой – США. Тогда, по оценкам некоторых аналитиков, мы (СССР) контролировали 70% человечества (по численности) и по некоторым экономико-социальным показателям были в верхних строчках различного рода рейтингов, во всяком случае, по тем, которые позволяли СССР быть в одной «весовой категории» с США. И за державу тогда было не обидно! А стратегией и сверхзадачей СССР было достижение мирового господства коммунизма, имея в виду, в том числе, исполь-

зование такого арсенала средств, как заговоры, революционные, военные и иные агрессивные действия по всем азимутам и уголкам глобуса. Недаром, на Государственном гербе СССР – земной шар, охваченный в кольцо колосьями, которые оплетены девизными лентами с надписью на языках СССР: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – а над всей этой обручеобразной конструкцией доминируют характерные коммунистические символы – красная пятиконечная звезда и серп с молотом в лучах солнца. На этой официальной эмблеме нашей страны глобус, то есть мир, – и цель, и место для устройства коммунизма на Земле! А широко известный лозунг: «Миру – мир!» – скорее всего, был лицемерным прикрытием истинного замысла: «Миру – коммунизм!».

Совсем недавно стало достоянием гласности, что в Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) была такая сверхзасекреченная функция, как тайная помощь просоветским, прокоммунистическим режимам и партиям по всему миру. В то время, когда наши люди испытывали дефицит по многим позициям своего бытия, а экономика приходила в упадок, партия изымала миллиарды у своего народа для удовлетворения своих идеологических амбиций. На конспиративной основе специальные «курьеры в штатском» из кадров «вооруженного отряда пар-

тии» доставляли финансовую помощь, по меньшей мере, 60 компартиям и другим политическим силам в более чем 100 странах мира. Так поддерживались «угодные» режимы и организации в нужных государствах в рамках стремления к мировому господству коммунизма. Хотя есть данные, говорящие о том, что ближе к концу СССР эти операции носили уже чисто коммерческий, а не идеолого-политический характер. Может быть, так и тогда исчезло пресловутое «золото партии» (см. «Новое время (The New Times)», № 211 от 22 августа 2011 г.)?

Так что в то время «глобализм» был вполне советской визитной карточкой (хотя победа коммунизма в отдельно взятой стране тоже рассматривалась). Поэтому, хоть многие воспринимали «заботу о Гондурасе» как цитату из городского фольклора, фактически эта небольшая банановая республика в Центральной Америке, где раз в четыре года происходили военные перевороты, беспокоила ЦК КПСС и советское государство чисто из geopolитических соображений, как в свое время Куба и вся Латинская Америка. Этой «обеспокоенностью» щедрая КПСС всегда делилась со своим народом...

Да, у нас тогда не было частной собственности и прав человека, но в нашей «собственности», в основном в подкорке, была 1/6 часть суши,

как минимум, а в перспективе (фантазийной, конечно!) – весь мир. Экономику замещала политика и идеология, отсутствующие материальные блага компенсировались духовными ценностями, связанными с верой в светлое будущее, для достижения которого надо «перетерпеть временные неудобства и лишения».

Пожалуй, последняя известная попытка реформировать Систему имела место в середине 60-х годов прошлого столетия. Точкой кипения тогда стал расстрел массовой демонстрации недовольных своим экономическим положением жителей Новочеркасска. Экономические реформы имени А.Н. Косыгина (хозрасчет, экономическое стимулирование, разбюрокрачивание производства и т.п.) могли бы вывести нашу страну на путь развития, который стал впоследствии называться «китайским». Однако махровый консерватизм, начетнический догматизм и страх потерять контроль над Системой со стороны верхушки КПСС не дали полнокровного хода этим модернизационным процессам. В авангарде ретроградов стоял главный идеолог Системы М.А. Суслов. Мощная идеологическая машина раздавила ростки рыночной экономики и сопутствующие ей идеи либерализации общества, носителями которых были «шестидесятники».

К чему это я все рассказываю?

А к тому, уважаемый читатель, что такой великий смысл существования СССР должен был быть добротно обоснован и втолковываться, точнее, вколачиваться, желательно до самых дальних клеток сознания, а лучше, подсознания.

То есть, необходима была такая идеология и такие «средства ее доставки» прямо в эти клетки, чтобы безвариантно управлять поведением огромных масс людей в целях, прописанных на Гербе СССР. И чем абсурднее ставились задачи в сфере политики и идеологии, тем тоталитарнее и изощреннее становились средства доставки.

Под грандиозные устремления СССР как на внешней арене, так и внутри страны была создана пропагандистская машина, такая же искусственная, как и сама апологетическая идеология. Практически это была своеобразная социальная инженерия, способная реально управлять миллионами людей. Иначе как бы Система продержалась более 70-ти лет без внутреннего содержания и ресурсов? Практически на голой форме – оболочке, можно даже сказать, на коммунистических пропагандистских мантрах и агитационной риторике.

Судя по интенсивности, многоканальности, разнообразию, адресности и неотвратимости воздействия, пропагандистская машина

КПСС фактически осуществляла, выражаясь в современных терминах, политическое нейро-лингвистическое программирование населения. Идеологическая работа велась всегда, везде и навязчиво. Учитывая, что манипулятивно-гипнотическим «чарам» поддается, по самым скромным подсчетам, более 70% людей, можно говорить о массовом психозе и проектировании необходимого Системе общественного поведения на основе некритического восприятия идеологических установок.

Так, по замыслу дизайнеров советской идеологии, должен был появиться новый тип человека (ни больше и ни меньше!) – Homo Sovieticus («советский человек»), а также новая монолитная нация – «советский народ». Эти продукты социально-политической инженерии были призваны обладать всяческими, превосходящими противника духовно-нравственными добродетелями, однозначно связанными с целями построения коммунистического общества как в СССР, так и во всем мире.

В конечном итоге предполагалось сформировать «подавляющее большинство» с конформистским социальным поведением, удобным для политического управления массами населения в советской империи.

Число лекторов, пропагандистов, агитаторов и политинформаторов было сравнимо с численностью Советской Армии – три миллиона чело-

век. Кроме того, каждый из 19 миллионов советских коммунистов (членов КПСС), по определению, был носителем идей марксизма-ленинизма. И эта армада ежедневно в той или иной степени проводила линию КПСС в 2,5 миллионах трудовых коллективов, среди 70 миллионов регулярных участников идеологических мероприятий. Таким образом, адресная системная работа велась с каждым третьим взрослым жителем нашей страны того времени! (см. А.К. Масягин. КПСС. Схемы. Таблицы. Диаграммы. – М.: Плакат, 1989).

В бойцы идеологического фронта рекрутировались подчас не самые бессталанные, специально подготовленные, методически оснащенные и хорошо мотивированные специалисты. Прибавьте сюда тотальную пропагандистскую активность СМИ, неслыханную книгоиздательскую деятельность, наглядную агитацию на каждом углу и т.д. и т.п.

Таким образом, глобальная цель, огромная страна, мощное государство, цельная идеология, КПСС, ее пропагандистская машина и «вооруженный отряд Партии» (КГБ) составили невиданную в обозримой истории **Систему**. Равных по массированности и эффективности ей было немного. Может быть, инквизиция? Гитлеровская Германия?

Система и ее пропагандистская индустрия милитаризировались в связи с наступлением «холодной войны», фактически, «третьей миро-

вой», по многим признакам представлявшей собой глобальные военные действия, со штабами, наступлениями, поражениями, потерями, победами. Главной особенностью этой войны была крайняя враждебность сторон при отсутствии «горячей войны», т.е. прямого столкновения двух сверхдержав – США и СССР. Доктрины «Разрядки международной напряженности» и «Политики мирного сосуществования» были, скорее всего, декларациями, прикрывающими скрытые маневры сторон. Основной философией «холодной войны» стала «реидеологизация» всей жизнедеятельности населения, перевод на военные рельсы всей пропагандистской машины СССР, возникновение «контрпропаганды» – наступательной тактики обработки сознания наших граждан в целях недопущения проникновения в умы и поступки советских людей, в первую очередь молодежи, идей конвергенции и деидеологизации, навязываемых западной пропагандой.

Среди многих и разнообразных, практически всепроникающих сил и средств Системы, ее пропаганда была сфера культуры и искусства. Художественное творчество Система всегда рассматривала как самую привлекательную для человека и не лобовую пропагандистскую форму доведения идеологических сентенций до широких масс. Творческая

интеллигенция с самых первых дней зарождения Системы была под пристальным контролем идеологической цензуры.

Для изоляции советских людей от враждебных идей и образа жизни был опущен «железный занавес», представлявший собой искусственную систему герметизации СССР от западного мира, от «загнивающего развитого капитализма». В те времена жестко и строго контролировался поток людей и идей как на «экспорт», так и по «импорту». На замке была не только государственная граница СССР, но и гуманитарная сфера, где возникали людские контакты, происходил обмен информацией, интеллектуальными и художественными произведениями, знакомство с моделями жизненных стандартов и их конкурентное сопоставление. На этой границе стояли свои пограничники – как в погонах, так и прочие штатские.

Особенно строго эти пограничники «пасли» советскую интеллигенцию, которая в то время еще имела место быть и пыталась формулировать вопросы к власти от имени всего гражданского общества. Но часто безуспешно. У власти была «своя» интеллигенция, и они внимали друг друга. Остальная часть интеллигенции варилась в собственном соку, в основном на кухнях.

Перебежчиков было мало как с той, так и с другой стороны «занавеса». А активных носителей враждебной идеологии сразу локализовывали и «работали» с ними по всей строгости военного времени, так как шла «третья мировая война» — война за умы людей по обе стороны «железного занавеса». У нас, в СССР, adeptov иного, чем советский образ мысли и жизни, называли диссидентами и агентами влияния Запада, а их не разрешенные цензурой к публикации работы — самиздатом. «Оттепель» закончилась, начались продолжительные и суровые «заморозки» как во внутренней социально-духовной сфере, так и на международной арене.

Примерно в это же время на советской стороне «железного занавеса» в общество вбрасывается идея этапности движения к коммунизму в отдельно взятой стране. Так возникла апологетическая теория развитого социализма, которая смягчала фрустрацию советских людей по поводу далеко отодвинувшегося светлого будущего, намеченного для наступления в 1980-х годах.

Выскажу заведомо спорное суждение: как бы ни назывались идеологические теории, обозначавшие периоды советского времени нашей страны — «социализм», «коммунизм», «марксизм-ленинизм», «раз-

витой социализм», «перестройка», — все едино — социально-политическое устройство, неизменно предполагавшее несвободу в политике, экономике и обществе, больше напоминало феодализм, крепостничество в сочетании с этатизмом и диктаторством.

Однако к началу 80-х годов XX столетия становится ясно, что сдерживать проникновение идей и моделей западного образа жизни в СССР далее будет все сложнее и сложнее. И, в конечном итоге, «железный занавес» был прорван посредством достижений науки и техники в области коммуникаций и информации. Потоки западной «массовой культуры» хлынули в обширные лакуны духовной, досуговой и потребительской реальности тогдашнего Советского Союза.

80-е годы прошлого века ознаменованы лихорадочным, но латентным поиском выхода из системного кризиса советской коммунистической идеологии, которая уже не могла одухотворять жизнь советских людей и убедительно объяснять разительную неконкурентоспособность нашего образа жизни по отношению к западному.

Здесь надо заметить, что американские усилия в сфере промывания мозгов вообще мало чем, по сути, отличались от советских. Кроме того, они гораздо лучше обеспечивались технически и материально.

Особое место на фронтах «холодной войны» отводилось таким формам общественного сознания и духовной жизни, как культура и искусство. Система была в этот период больше заинтересована не в эстетической ценности художественного творчества, а в тех возможностях искусства, которые чисто инструментально могли быть использованы в арсенале пропаганды и агитации. Во всех документах КПСС и в практической деятельности идеологической машины работники культуры и искусства рассматривались как «талантливый отряд партии».

Отдельно от идеологии и пропаганды легальному искусству существовать не позволялось. И знаменитый риторический вопрос: «С кем вы, мастера искусств?» – нес в себе профилактически-устрашающий смысл. Это был «предупредительный выстрел в воздух». Кто был не с партией, тот был против партии. «Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь...» – такова была логика идеологических кураторов искусства.

Принцип партийности, т.е. последовательной приверженности, в крайнем случае, лояльности всех творцов коммунистической идеологии был не просто провозглашен, но и строго контролировался партийными и иными органами. Кстати, «вооруженный отряд партии» всегда уделял

заслуженное и пристальное внимание «талантливому отряду партии». «Искусствоведы в штатском» в разной степени плотно опекали деятелей культуры и искусства, но всегда были самыми внимательными зрителями и слушателями.

Тем, кто правильно понимал политику партии и правительства, полагались признание, награды, звания, привилегии и «зеленый свет» для публикации их творчества. Ну, а по другим, кто полагал, что искусство не подлежит управлению и не обязательно является частью партийной идеологии, проходились «бульдозером», как в прямом, так и в переносном смысле этого слова.

Образ «бульдозерного» отношения Системы к диссидентам от искусства родился после «бульдозерной выставки», состоявшейся на окраине Москвы 15 сентября 1974 года. Тогда небольшая группа неофициальных художников-авангардистов, преодолевая сопротивление властей, которые не разрешали им выставляться в выставочных залах, устроили несанкционированную выставку на открытом воздухе в лесопарковой зоне Беляево. Вскоре после начала выставки к месту ее проведения прибыли три бульдозера, водометы, самосвалы и около сотни «искусствоведов в штатском», которые стали теснить художников,

иностранных журналистов и собравшихся зрителей. Формальным поводом для появления спецтехники и людей было мероприятие по благоустройству и развитию лесопарка. Выставку практически смели при помощи бульдозеров...

Вообще, история несанкционированных выставок насчитывает, кроме знаменитой выставки в Манеже 1962 года и «бульдозерной» в 1974 году, еще несколько попыток в 1967, 1969, 70-х годах. Но все они заканчивались победой властей над художниками. Сильна была Система. Трудно было с этим «бульдозером» тягаться. И творцы в основном «прогибались» перед властью.

И, надо сказать, подавляющее большинство писателей, художников, артистов, кинематографистов были самыми эффективными пропагандистами и агитаторами посредством своих искусств. Безусловно, Михаил Шолохов, Вера Мухина, Михаил Ульянов, Александра Пахмутова, Муслим Магомаев, Григорий Чухрай весьма убедительно доводили коммунистическую идеологию до широких масс. Недаром «важнейшим из искусств для нас является кино». Я думаю, Ленин как раз имел в виду идеологические возможности этого вида художественного творчества. Воистину, «поэт в России больше, чем поэт...»!

Для «измерения» степени верности ленинскому принципу партийности искусства нужны были какие-то критерии, какие-то установки для творческих работников, чтобы их произведения отражали действительность через оптику коммунистической идеологии.

Так, многие — не безболезненные для творцов, но продуктивные, однако, для Системы — принципы творческого метода выкристаллизовались в «социалистический реализм».

С теоретической точки зрения, этот метод подразумевал требование (именно так!) правдивого, исторически конкретного изображения жизни в ее революционном развитии с опорой на коммунистический общественно-политический и эстетический идеал, с обязательным соблюдением принципов партийности, классовости, народности и других фантомов регламентации творческой деятельности художников.

При догматическом (а такое чаще случалось, чем нет!) прочтении метода возникала необходимость, чтобы кто-то и как-то определял — что есть следование соцреализму, а что есть отклонение от него.

Так возникли субъекты контроля, цензуры, «воспитания» и «наказания» в сфере управления мастерами искусств: специализированные структуры в партийных, государственных, советских и общественных

организациях. В задачу этих бюрократических подразделений входило администрирование деятельности художников, их объединений, учреждений культуры и искусства в целях безусловного обеспечения идейно-художественного содержания и эстетической формы, способствующих реализации программных документов КПСС. Под это были подведены необходимые организационно-правовые документы и нормы. Подчеркну, с точки зрения советского законодательства и партийных норм, правовые отношения в этой сфере были четко выстроены, и неукоснительное соблюдение их жестко контролировалось.

Вот цитата из одного, уже «перестроичного» установочного документа ЦК КПСС по вопросам повышения роли искусства в выполнении решений XXVII съезда КПСС (из архива автора; газета «Известия», 22.10.1986 г.):

«...В решении поставленной апрельским Пленумом ЦК КПСС, XXVII съездом партии задачи социально-экономического ускорения невозможно обойтись без ускорения духовного, без углубления нравственного развития общества с помощью искусства. Сюда входит очень многое. И прежде всего – воспитание в душах людей, особенно молодых, высоких социальных идеалов и гражданских убеждений, святого человеческого качества идейности. Воспи-

тание патриотизма, любви к Родине, ибо из этого чувства растут и качества гражданские, хозяйственное, государственное отношение к жизни и общему делу. Воспитание советского интернационализма, этого духовного цемента, связующего в единое целое нашу многонациональную страну, включающего советский народ в общие судьбы человечества. Необходимость, неотложность демократизации всей общественной жизни, требующей воспитанности, высокой убежденности и ответственности».

Вот, собственно, для чего должны были работать деятели искусств в конце 80-х годов прошлого столетия. Как раз в период, когда появилась выставка неформальных художников-авангардистов по ул. Сурикова, 31 в Свердловске. Хотя, по всем канонам, она не могла иметь место... Однако состоялась...

Что произошло в Системе, какие сработали обстоятельства и силы, позволившие выставить художникам невыставляемое в то время искусство? Как была преодолена «бульдозерная мощь» советской машины пропаганды и контроля культуры и искусства, описанная выше?

На изломе...

В середине-конце 80-х годов ХХ столетия случилось непредвиденное: страна-монолит и Система-кремень в очень короткие в историческом измерении сроки рухнули...

Во всяком случае, никто ни внутри страны, ни извне не был готов к быстротечному, всеохватывающему, по сути, катастрофическому слому советской империи. Не готовы, потому что те, кому надлежало принимать решения по ситуации на 1/6 части суши, доподлинно не знали нашу страну, ее народ. Не знали этого и в стане противника № 1 (США), так как «железный занавес» не давал такой возможности. Правители СССР не знали по некоторым причинам. Во-первых, состояние умонастроений советских людей как следует не изучалось. Реальная картина до начальников доводилась, как правило, искаженной, залакированной. А если соответствующие органы и «доносили» правдивую информацию и аналитику до Центра, то коллегиальный догматический консерватизм тогдашнего руководства не позволял критически и творчески оценивать эти данные. И на вопрос: «что делать?» – тоже не было ответа, поскольку у великой советской империи не было такой общественной науки

и соответствующей практики, которые бы не только объяснили, что происходит, но и дали бы конструктивные рецепты необходимых действий по управлению СССР на новом этапе. Марксизм-ленинизм как теория и, тем более, как практика уже не работал на сохранение своего детища – Союза Советских Социалистических Республик. Не было и «героев», обладавших способностью прорвать эту блокаду и прервать застойный процесс консервации противоречий внутри и снаружи СССР. Одни из «героев» были высланы из страны, другие – были сосланы в ссылку, третьи – сидели в тюрьме или в психушке, четвертые – находились под надзором КГБ. Все революционные мысли, не говоря о действиях, были под контролем. Государство окончательно подмяло под себя общество. А консервативно-ортодоксальная верхушка страны оседлала Систему, которая подменила собой традиционное государство. Так наступил застой, без конца и края...

Исторический период этого безвременя характеризуется тем, что накапливающиеся лавинообразно противоречия в политической, общественной, экономической и духовной сферах не разрешались, а доходили до крайних степеней, переходя в латентное состояние, превращаясь в хронические болезни общества, с которыми можно было покон-

чить только посредством внутрисистемного революционного взрыва или фатального дефолта на международной арене.

Рулевые же советской империи полагали, что путем консервации Системы можно пережить «холодную войну» и, со временем, перемолоть проблемы страны. В результате, СССР фактически не управлялся из Центра, не развивался в целях сохранения Системы, а инерционно дрейфовал, как огромный корабль без руля и ветрил, по неизвестному курсу навстречу гибели. Аккомпанементом этому дрейфу стала часто повторяющаяся трансляция «Лебединого озера» Чайковского или «Траурного марша» Шопена по телевидению... (искусство и в этом случае было в услужении у Системы).

И такое положение вещей могло длиться, Бог знает, сколько времени. И чем это все закончилось бы – тоже не известно. Если бы нашей страной, начиная с 1985 года, не стали стремиться управлять!!! И не в целях сохранения статус-кво, а для разрешения сложившихся противоречий и развития СССР по проверенным мировой цивилизацией стратегиям. Не дожидаясь худших вариантов реализации застойных сценариев, революция в СССР в этот раз была запущена «сверху».

Это случилось, когда в марте 1985 года ответственность за все происходящее в СССР и в связи с этим – в мире взял на себя М.С. Горбачев, избранный Генеральным секретарем ЦК КПСС.

И кто бы что ни говорил об этой, несомненно, исторической фигуре, именно его действия на своем посту в режиме практически ручного управления страной вывели всех нас из застоя, побудили к поиску путей преодоления накопившихся противоречий и развития СССР под знаком либерализации и демократизации.

Мы вправе говорить в связи с Горбачевым о реальной роли личности в истории. Благодаря уникальной концентрации власти над Системой в руках одного человека – Генерального секретаря ЦК КПСС – и вертикально-интегрированному механизму управления в СССР, нравственная позиция личности генсека была чрезвычайно важной и решающей для революционных преобразований, достойных масштаба страны и мира.

Тем более что первоначальный посыл М.С. Горбачева был – построить более нравственное общество в СССР. Команде Горбачева представлялось необходимым сначала изменить нравы, скорректировать мораль, а затем на этой основе решать все остальные задачи – экономические, политические, социальные.

И для обретения новой моральной атмосферы в стране Горбачев и его коллеги провозгласили тезисы о гласности, плюрализме и демократизации как основах перестройки в СССР. Речь шла о выработке новой общественной методологии — «новом мышлении». Скорее всего, это были зародыши новой идеологии периода перестройки, которая должна была вписать нашу страну в мировое пространство с новым имиджем и новыми возможностями для внутреннего развития.

Лозунг «так жить нельзя!» стал лейтмотивом повсеместных дискуссий в этот период. Шел поиск вариантов и форм достойной и благополучной жизни.

Предложенная сверху дискуссия о судьбах страны была с жаром подхвачена снизу. Теперь то, что раньше проговаривалось в курилках, на кухнях и в очередях, вылилось наружу, захлестнуло все каналы информации и коммуникаций, превратилось в сплошной вербальный поток. Кухня, как символ шептания на оппозиционные темы и негодования по поводу неизбывной несправедливости, была возведена в ранг всесоюзной студии вещания.

Советский Союз пал не только по причине низких экономических и социальных стандартов. Поражение произошло и в культурно-нравствен-

ной сфере. Наше общество, наши люди, будучи хорошо образованными, развитыми интеллектуально, внутренне отвергали лицемерие советской политики и пропаганды, потому что за их фасадами стояли неуважение к человеку, подавление его политической, экономической и духовной свободы.

Дискуссионная вакханалия, в свою очередь, порождала идеи, которые становились материальной силой и фактором обновления. Реформирование советской экономики стало возможным только после и вследствие фундаментальной переоценки способа производства и производственных отношений.

Для реализации «наговоренного» в этот период необходима была совершенно иная власть, иные законы, иная экономика, иная система управления страной. Эта необходимость была проговорена, понята и стала внутренним мотивом для требования альтернативных демократических выборов, многопартийности и рыночной экономики.

М.С. Горбачев был тем лидером мирового уровня, который заложил основы нового мирового порядка, положив конец стремлению СССР к мировому господству и диктату в зонах советского влияния. Он был ав-

тором демонтажа мирового коммунизма, похоронщиком «холодной войны» и гонки вооружений.

Благодаря Горбачеву возникли новые социальные институты, он дал возможность обществу создавать свои формы активности. Так, в нашей стране впервые начало взращиваться гражданское общество, которое получило право не только «выговариваться», но и предлагать решения, искать приемлемые пути выхода из конфликтных ситуаций.

И, самое главное для нашей темы исследования, – Горбачев не только положил начало ревизии государственной идеологии нашей страны, но и сделал пропагандистскую машину Системы менее «хищной» и менее репрессивной по отношению к инакомыслию.

И там, где была сила советской идеологии и ее пропагандистской машины в доперестроечные времена, там обнаружилась их системная слабость. Они были замкнуты на единый центр, иерархически подчинены этому центру и полностью зависели от него. Такое устройство позволяло хорошо управлять идеологическими процессами, вплоть до своеобразного зомбирования населения. И как только «начальник центра» сменился, а его мировоззренческие и нравственные позиции представляли собой иные ценности, вплоть до противоположных

предыдущим канонам, управление идеологической машиной под его руководством начало приводить Систему в совершенно иное состояние, как по содержанию идеологии, так и по форме её пропаганды.

Таким образом, пропагандистский пресс ослаб, строгость идеологических установок обмякла, ориентиры и акценты сменились. Тотальность обработки населения прекратилась. Перестроечная реальность – острые дискуссии, небывалые трудности, возникшие в ходе поисков выхода из кризисных ситуаций (антиалкогольная кампания, карточная система, расслоение, вскрытие ужасающих фактов истории и бюрократического закулисya и т.п.) – все это было шоком, который вывел людей из пропагандистского транса и идеологического гипноза. Страна очнулась, люди проснулись и начали осваивать новую жизнь, новые идеи, новые возможности, искать новые формы и пути самореализации.

И, конечно, нередко эти поиски приводили или к калькам элементов западного образа жизни, или к доморощенным, весьма несовершенным «придумкам», «приспособам» и «рацухам».

Полноту перестроечного времени дополняют такие его особенности, как противоречивость и двойственность всего, что происходило

Митинг на площади им. 1905 года в защиту Б.Н. Ельцина

Фото А. Гордиенко

Демонстрация на улице Первомайской

Фото А. Гордиенко

тогда. Борьба противоположностей в их диалектическом единстве осязилась вполне на практике и наглядно.

Страна стояла на развилке: консервировать социализм или конвергировать в направлении постиндустриального общества. М. Горбачев также испытывал противоречивость и демонстрировал «раздвоение» в своей деятельности. С одной стороны, он был лучшим представителем постсталинской советской номенклатуры, с другой – поборником общечеловеческих ценностей. В нем в борьбе уживались и консерватор, и реформатор.

Внутри партии шла непримиримая борьба ортодоксов и либералов. Нарождающиеся рыночные отношения входили в противоречия с плановым хозяйством и ригидным законодательством.

Образовался класс богатых, и появились обездоленные и бедные.

Западники вошли в противоречие с «почвенниками». Демократия столкнулась с бюрократией. Смятение в умах граждан, переоценка ценностей, смена способов и форм жизни... И т.д. и т.п... «Процесс пошел...» (М.С. Горбачев).

Все вышеописанное нашло свое специфическое отражение в самой чувствительной к переменам сфере – сфере культуры и искусства.

Либерализация, разнообразие творческих поисков, борьба стилей и методов регулирования отношений в этой сфере... И, конечно, пересмотр роли и места искусства и культуры в духовной жизни общества и в системе идеологических институтов нового времени...

Далее я бы обратил внимание моих читателей на «артефакт» того времени – мое выступление на Пленуме ГК КПСС в самый разгар перестройки. Содержание и форма документа, на мой взгляд, дает возможность понять процессы и проблемы, имевшие место тогда как в сфере культуры, так и в партийной жизни.

В этом документе дается картина противоречивой, насыщенной событиями и разномыслием культурной и идеологической жизни тогдашнего Свердловска. В том числе из этого выступления становится понятным, как и почему появилась на свет выставка на ул. Сурикова, 31 (из архива автора, выступление на Пленуме ГК КПСС, 23.01.1988 г. т. Олюнина В.Н., кандидата в члены горкома, заведующего отделом культуры Свердлгорисполкома):

«... Сфера культуры – одна из самых чутких и эмоциональных в общественной жизни. Именно здесь чаще всего и быстрее всего происходит активизация духовно-идеологической жизни народа.

В сфере досуга проявляются многие социальные противоречия в виде сугубо культурных ситуаций. Различная, подчас полярная реакция на горячо обсуждаемые сегодня статьи, книги, фильмы, телепередачи, спектакли вызвана далеко не только расхождениями в художественных вкусах. За ними стоят очень серьезные разногласия по актуальным общественным проблемам. В нашем городе такие острые ситуации, например, возникли вокруг памятников культуры и истории, некоторых самодеятельных инициативных групп, некоторых спектаклей, выставок, концертов рок-групп.

Эти и другие явления в нашем городе связаны, с одной стороны, с демократизацией и гласностью, а с другой стороны – это своеобразный способ борьбы с бюрократизмом и недостатком гласности в новых условиях. Они обнажают одно из главных противоречий перестройки – противоречие между нарождающейся общественной активностью, самодеятельностью масс, тягой этих масс к «рулям управления» и бюрократическими ограничениями и торможением этого движения со стороны бюрократов. Всякие разговоры о «неготовности» масс к самоуправлению, задержка их в этих порывах, отодвигают время обретения народными массами своего собственного политического опыта.

...Не все новые явления в сфере духовно-идеологической можно оценить как полезные делу перестройки. Но уходить, отмахиваться от них, не рассматри-

вать их диалектически нельзя. Подозрительность и неприязнь вместо анализа, старый способ «не пускать» и «разгонять» вместо того, чтобы управлять событиями и явлениями, – все это еще широко бытует в стиле работы некоторых партийных и советских органов города в работе с новыми реалиями демократизации. Так, нелегко нашли свое место в культурной жизни города спорные выставки самодеятельных художников, не менее спорные рок, видео, брейк, от которых сегодня все равно никуда не деться в век НТП и широчайшей коммуникации и интернационализации слоев культуры...

*...Работники городского комитета партии стали чаще и глубже вникать в проблемы культуры, активнее помогать решать эти проблемы. Их действия стали компетентнее и стиль работы – более демократичным. Положительным сдвигом на этом фронте способствовало, на мой взгляд, обновление аппарата отдела пропаганды за счет специалистов-гуманистов и подключение к сегодняшней проблематике отдела [Пропаганды Горкома СССР] современно мыслящих и действующих обществоведов, таких как кандидат исторических наук, декан исторического факультета УрГУ Кирьяков Юрий Сергеевич, кандидат философских наук **Бурбулис Геннадий Эдуардович** (будущий Госсекретарь России и Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – примечание автора), кандидат философских наук,*

Фото А. Гордиенко

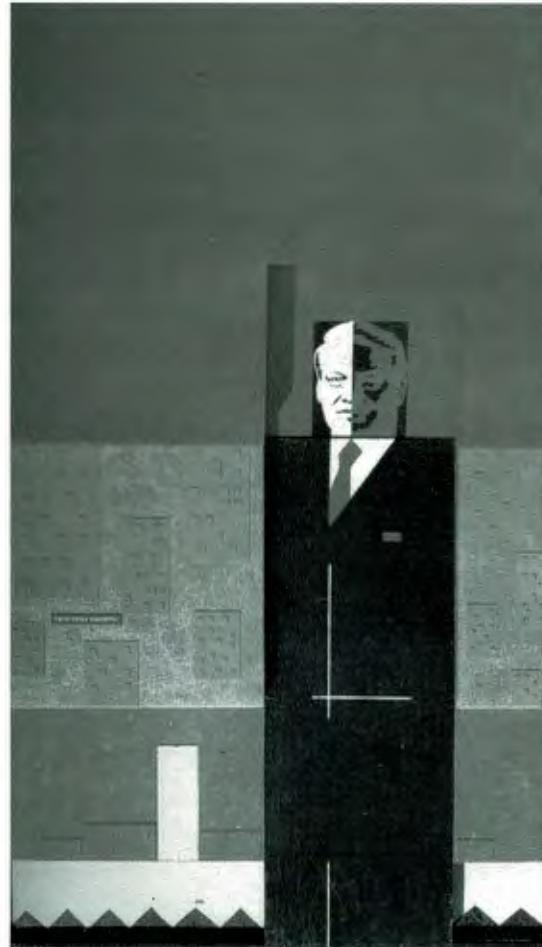
Демонстрация

Митинг во время встречи с Б.Н. Ельциным у КЗ «Космос»

Фото А. Гордиенко

Н. Федореев. Портрет коммуниста Б.Н. Ельцина
ДВП, нитро

Фото Дм. Шурова

старший преподаватель кафедры эстетики УрГУ Панпурин Вольфрам Александрович, кандидат философских наук, главный редактор журнала «Урал» Лукьянин Валентин Петрович...

...«Городская дискуссионная трибуна» (площадка, на которой «родился» в новой ипостаси Г.Э. Бурбулис, а затем, благодаря наработанным на трибуне приемам управления общественным мнением и активом, была оказана своевременная и эффективная поддержка в самые трудные времена восходящему к власти Б.Н. Ельцину – примечание автора) как нельзя вовремя возникла и отражает потребность, что называется, «сверху» и «снизу». Подтверждением тому являются слова М.С. Горбачева на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и другими идеологическими работниками: «Сейчас многое обострилось, нарастают дискуссии: процесс перестройки идет не без борьбы. Это естественно...» – и далее – «характер борьбы будет носить у нас форму дискуссий, идеологических споров, имеющих целью разобраться в ситуации, уяснить задачи, стоящие перед нами».

«Трибуна» и замечания «неформалов» показывают, что далеко не все способны вести дискуссии, вступать в полемику, т.е. не все владеют основным методом партийной работы – убеждением.

Думается, что учиться дискуссии надо путем дискуссии. В то же время наши брат, аппаратный работник, сторонится таких трибун - не хватает теоретической подготовки, умения говорить. Не показывают пример в этом умении и руководители. А между тем, без этого арсенала современной идеологической работы нам дальше будет труднее.

Еще один аспект нашего разговора. Сегодня, когда нынешним поколениям партийцев приходится нередко идти в идеологической работе неожженными тропами, возникает вопрос о мужестве и риске. Не так давно за ошибки наказывали, да и сейчас еще бывает, наказывают по всей строгости времен, когда творчество было не в почете, с оргвыводами, с «накачками», и т.д. Будет правильно, конечно, если за ошибки будут критиковать, но с другой стороны, ищущий нестандартный подход, рискующий на благо перестройки – был бы защищен. А то, пока с новыми явлениями разбираешься, изучаешь, пробуешь, в общем, рискуешь, еще можно услышать и окрик, и получить ярлык, и чувствуешь себя как бы чужим среди своих. Хотя корысти в этом деле, честное слово, не много. Это вопрос культуры критики, дискуссии, вопрос партийного товарищества.

В политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС дан ключ к этим явлениям, который должен работать в каждом партийном комитете: «...социализм раз-

вивает все многообразие интересов, потребностей людей, активно поддерживает самодеятельность общественных организаций, выражающих это многообразие». Тенденция такова, что скоро в Свердловске увеличится количество молодежных культурных центров, досуговых центров, молодежных кафе, хозрасчетных культурно-оздоровительных центров, клубов по интересам. Им понадобится внимание в виде признания статуса, выделения помещений, необходимо будет искать способы управления ими.

В связи с этим предлагаю создать в городе банк предложений по оборудованию этих самодеятельных инициативных формирований с одной стороны, а с другой – банк помещений для них, а также рабочую группу по оперативному рассмотрению и решению вопросов поддержки общественно-полезных начинаний, идущих от населения, и самодеятельных формирований.

Так, уже сегодня нуждаются в поддержке властей в Ленинском районе – художники клуба «Сурикова, 31», молодежное объединение «Каскад»; в Верх-Исетском районе – объединение художников, базирующихся на ул. Сакко и Ванцетти, 23, 25; в Кировском районе – досуговый кооператив «Синтез»; в Октябрьской районе – молодежный культурный центр при ДК «Автомобилист».

Сегодня культура, искусство как бы восстанавливаются в своем подлинном сложном виде и разнообразии; ищутся новые организационные формы.

И принципиально важно, чтобы культура рассматривалась не с краю и в очереди социальных проблем, а как неотъемлемая часть важнейших задач социально-экономического развития страны...».

Такого выступления, прозвучавшего в начале 1988 года, еще двумя годами раньше, скажем, году в 1986, не могло быть ни под каким предложением. Возможность так высказываться появилась только благодаря первым плодам горбачевской политики гласности, либерализации и демократизации всех сфер жизни советского общества. Более того, темы, обсуждаемые в том выступлении, также не могли иметь место до 1986 года. А вместе с ними, выставка по ул. Сурикова, 31 также не могла состояться до перестройки и даже вряд ли в первые ее годы.

Исторические параллели

Уважаемый читатель! Я менее всего хотел бы создать своим предыдущим повествованием иллюзию возможности полного освобождения художника от власти, от идеологии, от борьбы.

Уверен, что борьба – необходимый компонент и мотиватор творчества. Художник, будучи в том числе одаренным социальным существом, выполняет роль «чувствища» эпохи, своеобразного исследователя мира и человека, творца идей и уникальных средств доведения их до тех, кому небезразлично постижение смысла явлений через искусство.

В общественном измерении своей личности Художник не может быть абсолютно свободным от тех, кто руководит обществом. Его произведения доходят к своему зрителю, слушателю, читателю через социально-культурные институты, которые тоже кому-то принадлежат и кем-то управляются. Здесь и возникают ограничители свободы художника! Правда, в разные времена и в разных социальных системах степень этой свободы разная.

Тот период в истории нашей страны, который я описывал выше, несмотря на перестроечную либерализацию, тоже не предоставил идеальной свободы художникам. Другое дело – степень и формы этой

независимости или, наоборот, зависимости от среды, в которой существует искусство.

В качестве образно-художественной иллюстрации взаимоотношений между властью и творческой интеллигенцией можно привести сюжет повести-сказки Алексея Николаевича Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Вынужденный адепт социалистического реализма, автор на эзоповском языке, типичном для умных и талантливых творцов, сатирически живописует диктатуру «доктора кукольных наук», владельца кукольного театра Карабаса-Барабаса по отношению к марионеткам. И кто бы что ни говорил об этом прекрасном произведении для детей, за сказочной фабулой иносказательно, с оглядкой на ОГПУ-НКВД, А.Н. Толстой изображает атмосферу тирании, уже господствовавшей в художественной жизни СССР в 30-х годах XX столетия, как раз во время первых гонений на инакомыслие, в том числе в искусстве (сказка писалась долго — с середины 20-х до 1936 года).

Обозревая реальную историю отношений Художника и Власти в СССР, можно провести некоторые параллели. В том числе, есть ретроспективная аналогия (и довольно смелая!) нашей выставки по ул. Сурикова, 31.

1962 год. Московский манеж, выставка «XXX лет МОСХа». Осмотр ее Никитой Хрущевым и руководителями Партии и Правительства. В том числе, широко известный эпизод, когда Хрущев и К° дошли до той части выставки, где были выставлены (тоже впервые!) произведения нонконформистского искусства (советский авангард). «Говно! Пидарасы! Задушу! Арестовать! Уничтожить! Расстрелять!» – такую реакцию продемонстрировали руководители Партии и Правительства по отношению к художникам и их творчеству... (см. журнал «Коммерсантъ. ВЛАСТЬ», 16-22 декабря 2002 года). Уважаемый читатель! Прошу прощения за точное цитирование, но эта цитата полностью передает отношение власти к творцам...

Конечно, не все кары, прозвучавшие на встрече власти с искусством, были реализованы буквально. Но, будьте уверены, все участники той памятной выставки испытали на себе те или иные ограничения и санкции со стороны Системы.

В то время иначе и быть не могло. Только фотографический «социалистический реализм» мог иметь место в художественной жизни СССР. «Чистое», «нонконформистское», авангардное искусство, грешившее абстракционистской эстетикой и бессюжетным сюрреализмом, помноженное на вызывающую безыдейность и полную беспартийность

было признаком западопоклонничества и политической оппозиционности. И с ним, и с его творцами поступали по законам «холодной войны» и идеологического противостояния.

Диалога власти и художников тогда быть не могло. В отношениях государства и искусства господствовало первое. Основным содержанием творчества должно быть идеологизированное изображение мира. Партийно-политический ангажемент советской творческой интеллигенции был тотальным, придворным и циничным, как бывает в отношениях между сильным и талантливым...

Весьма символично, что именно 25 лет спустя после выставки советского авангарда в Манеже, в 1987 году открылась выставка на ул. Сурикова, 31. Нравы в отношениях власти и художников стали несколько цивилизованнее. Уже стали возможны диалоги, дискуссии, обсуждения. Уже критика была не столь зубодробительна. И запреты пытались как-то объяснить, и репрессии проходили «без посадки». А идеология и искусство в произведениях могли иметь равные пропорции. Но, если в 1962 году авангардное искусство показали и спрятали, то начиная с середины 80-х годов XX столетия, и не в последнюю очередь благодаря выставке на ул. Сурикова, 31 в 1987 году, можно смело говорить о посто-

Иг. Шуров.
Отмывание покойников.
Холст, масло

Фото А. Гордиенко

Август 1991 года. Путч ГКЧП. Митинг у здания Горсовета

Фото А. Гордиенко

янной прописке в художественной жизни нашей страны «советского авангарда».

Примат идеологии постепенно уступил место общечеловеческим ценностям. Диктат власти по отношению к искусству ослаб. В политическом и идеологическом смысле искусству стало дышать легче...

Хотя это облегченное дыхание через 4 года, в августе 1991 года, пусть на несколько дней, вновь перехватило. И вновь повеяло холодком тоталитаризма. А что, если бы путь ГКЧП победил?! Уверен, всех активных участников либерализации советской жизни, в том числе в сфере искусства, «вспомнили» бы поименно... Риск быть репрессированным существовал и после 1987 года вплоть до 1992 года, пока не перестали действовать законы и нравы Системы.

Казалось бы, вот сейчас, 25 лет спустя после выставки на ул. Сурикова, 31, нет видимых рамок ограничения свободы творчества. Твори, что хочешь!

Однако, как уже было отмечено, полной свободы творчества не бывает. Сегодня вместо одного контрольного и цензурирующего органа в сфере культуры и искусства появились множественные «культуртрегеры»: «эксперты», «менеджеры», «маклеры», «агенты», «операторы» и пр., — которые не менее строго отбирают произведения искусств с позиции

вкусов тех или иных «сильных мира сего» по критериям, столь же далеким от непредвзятости, как и пресловутый «социалистический реализм». Если раньше процветала идеологическая диктатура в искусстве, то сегодня в ходу «экономическая» цензура, подчас не менее безапелляционная и невежественная, чем ее советский архетип.

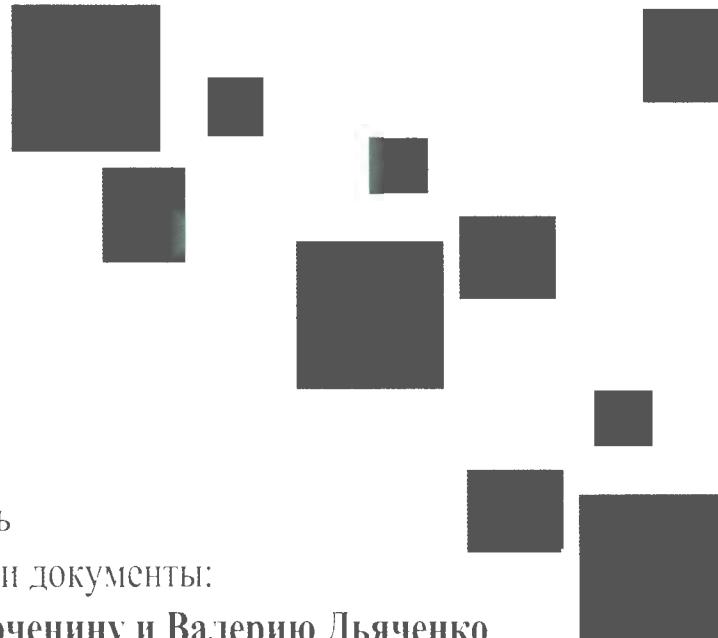
Сегодня также соседствуют современное и традиционное искусство, классика и авангард, нонконформистское и ангажированное творчество, коммерческое и «чистое» искусство... Но бал правит рынок – чистоган, превративший искусство в специфический бизнес, со всеми вытекающими последствиями для творчества и творцов.

Кстати, позволю себе маркетинговый прогноз – произведения «социалистического реализма» и «соц-арта» имеют все основания быть весьма прибыльным товаром на рынках коммерческого искусства как в России, так и за рубежом...

Так что, времена меняются, а путь художника и его произведения к своей аудитории все так же тернист! Поживем – увидим, как будет себя чувствовать искусство в XXI веке. Про то, как это было в XX столетии, я, как мог, рассказал...

ИЛЛЮСТРАЦИИ

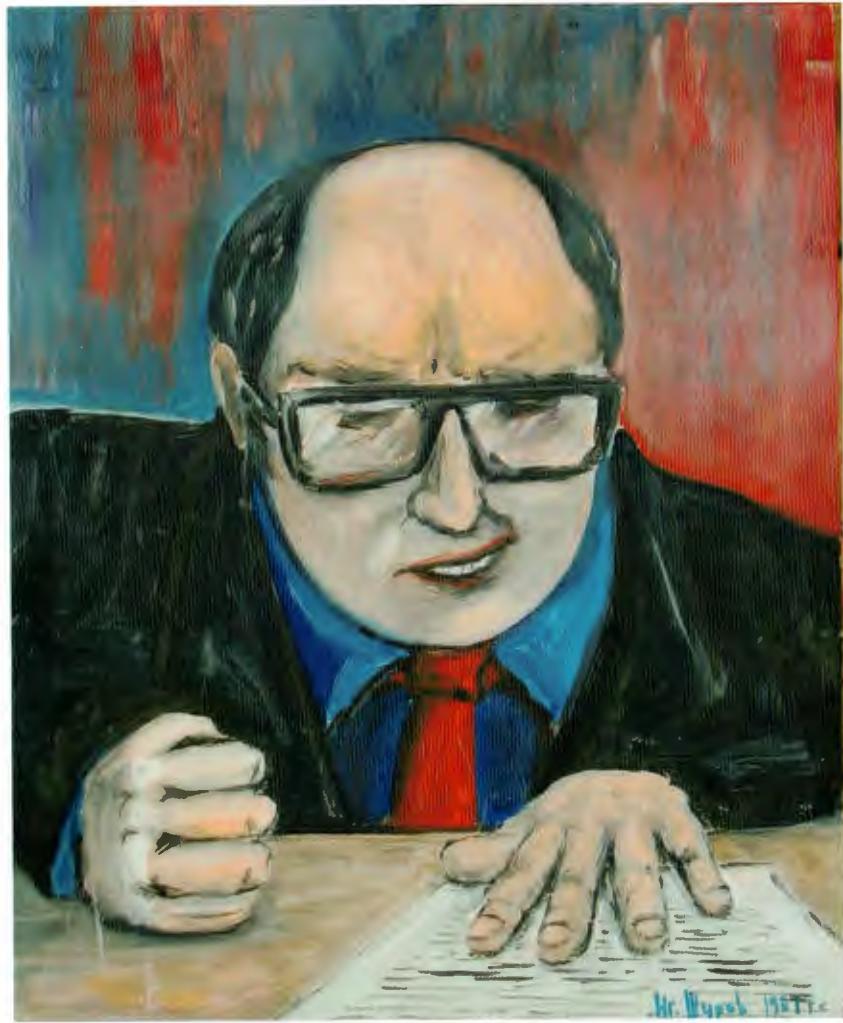

Автор книги и издатель

выражают огромную благодарность

за предоставленный фотоматериал и документы:

Алексею Гордиенко, Николаю Боченину и Валерию Дьяченко

Иг. Шурев.
Портрет чиновника.
Картон, гуашь, краска ВА

Фото Дм. Шурова

Прием работ на выставку.
Фото А. Гордиенко

Монтаж экспозиции.
Фото А. Гордиенко

Монтаж экспозиции.
Фото А. Гордиенко

Часть экспозиции второго этажа.

Фото А. Гордиенко

Е. Малахин у работ С. Видунова
беседует с автором.
Фото А. Гордиенко

Фрагмент экспозиции первого этажа.

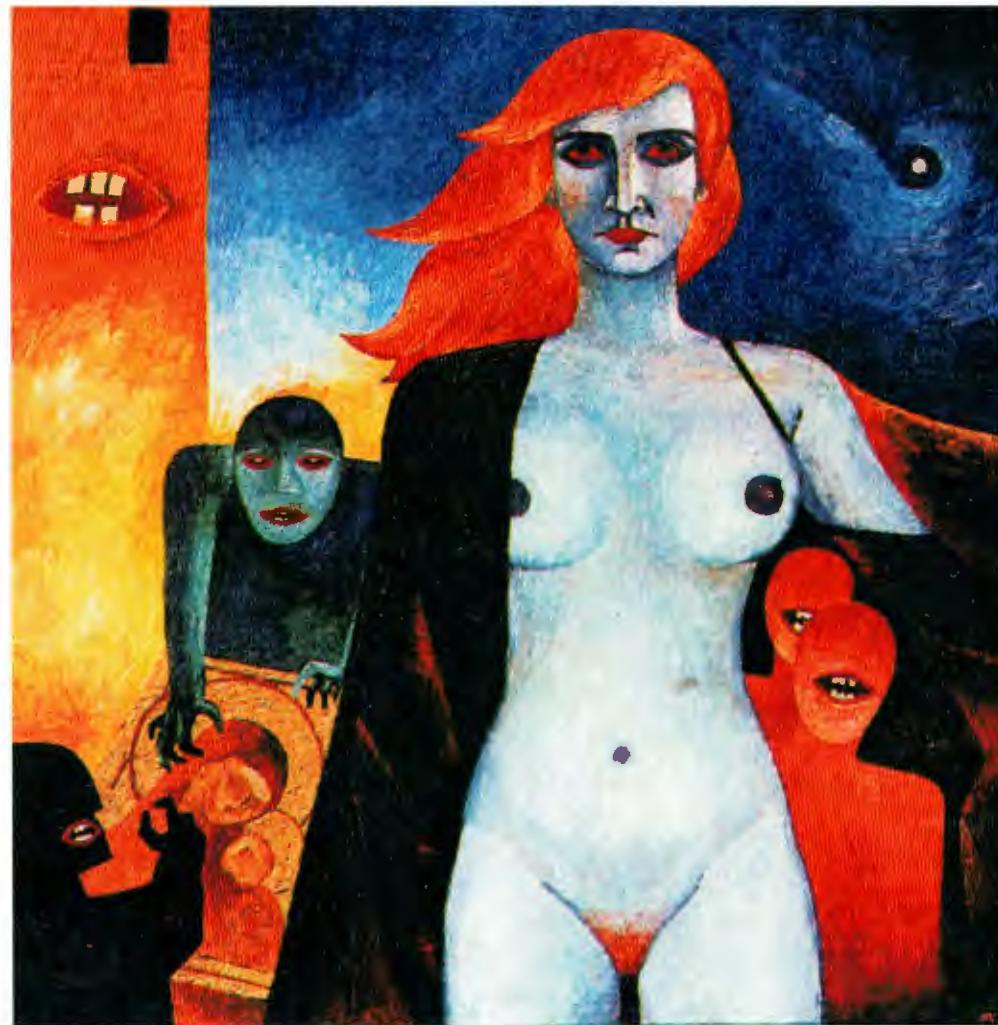
Фото А. Гордиенко

Фрагмент экспозиции первого этажа

Фото А. Гордиенко

Б. Хохонов.
Женщина

Замечание

!!!

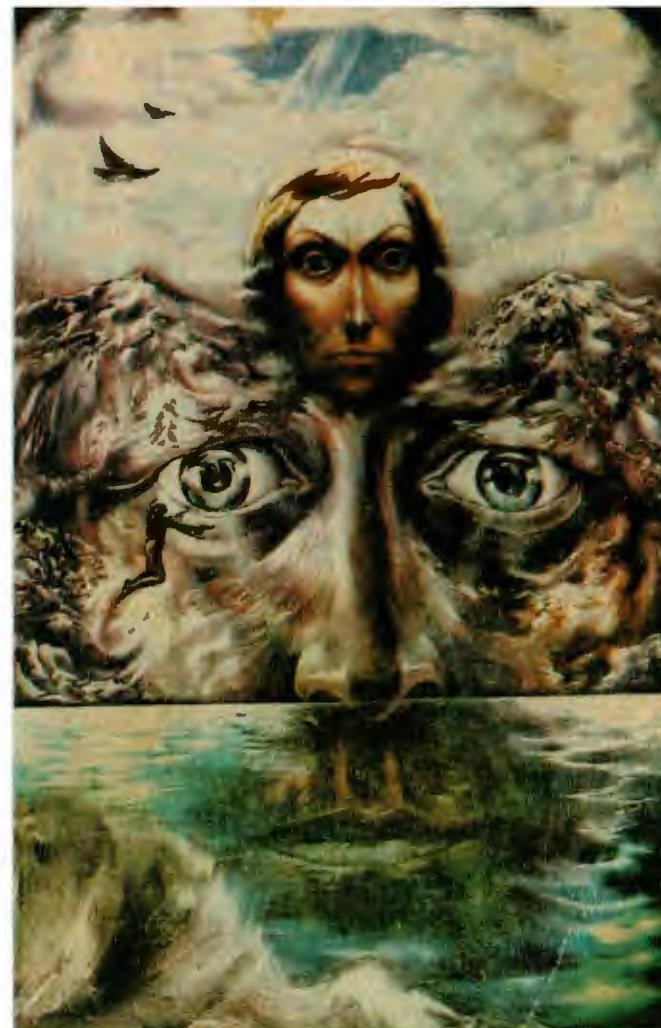
Первоначальное
название работы
было – «Ребята кайфуют».
Работу рекомендовали
снять, но после долгих
споров она была оставлена
с другим названием

Слайды из архива
Елены Гордеевой
Обработка слайдов
Дмитрия Шурова

В. Гаврилов.
Портрет художника В. Павлова

В. Гаврилов.
Без названия

Выступление В.Н. Олюнина на очередном
собрании перед открытием выставки.

Фото А. Гордиенко

!!!

Замечание

Виктор
Николаевич
Олюнин
в 1983–1988 годах
возглавлял отдел
культуры
Свердловского
горисполкома.

Фото А. Гордиенко

Выступают художники

Виктор Гончаров (слева у края фото),
постоянный оппонент отделу культуры.
Фото А. Гордиенко

Гончаров
Виктор
Николаевич –
главный
организатор
выставки,
именно ему
принадлежит
идея её создания.
Сейчас живет
в Нью-Йорке

!!!

Замечание

замечание

!!!

Выставка была
смонтирована,
но не открыта.
Целую неделю

вечерами
собирались
собрания.

Власти
требовали
снять
несколько
работ.

Фото А. Гордиенко

Перед началом очередного собрания.

В. Дьяченко.
Состояние души.
Холст, масло

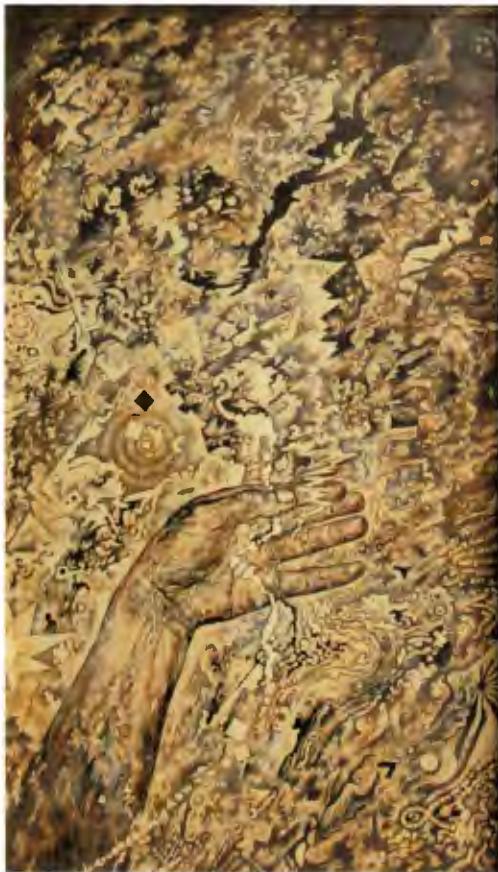
Фото
Дм. Шурова

Фото Дм. Шурова

В. Дьяченко.
Краски.
Холст, масло

В. Дьяченко. Нерв.
Смешанная техника.
Фото Дм. Шурова

Валерий Дьяченко около своих работ.
Фото А. Гордиенко

Металлопластика Владимира Жукова.
Металл, картон, левкас

Фото А. Гордиенко

Фото А. Гордиенко

Очередная встреча с представителями
отдела культуры. Выступает Н.С. Кирьякова

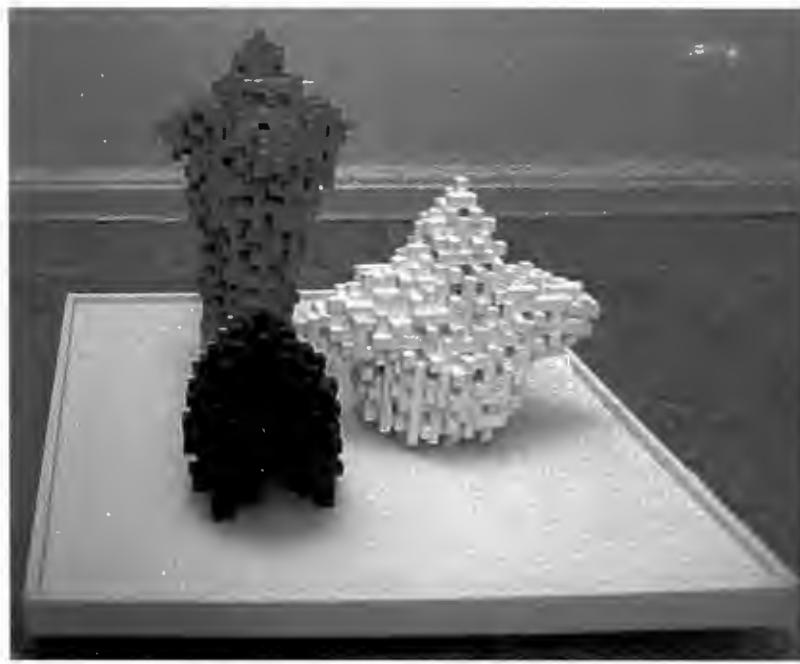
Е. Арбенев. Образцы непринимаемой посуды.
Пространственная композиция. Стеклотара

Н. Федореев. День революции.
ДВП, дерево, нитро

Фото Дм. Шурова

Н. Федореев. Гараж.
Смешанная техника
Фото Н. Боченина

Н. Федореев. Город.
Дерево, нитро
Фото Н. Боченина

Открытие выставки

Фото А. Гордиенко

замечание

!!!

Евгений Малахин
(творческий
псевдоним
«Старик
Б.У. Кашкин»).
На Сурикова, 31
выставлялся как
К.А. Кашкин,
впоследствии
организовал
общество
«Картинник»

Фото А. Гордиенко

Знак произведения (Ширма) Е. Малахина

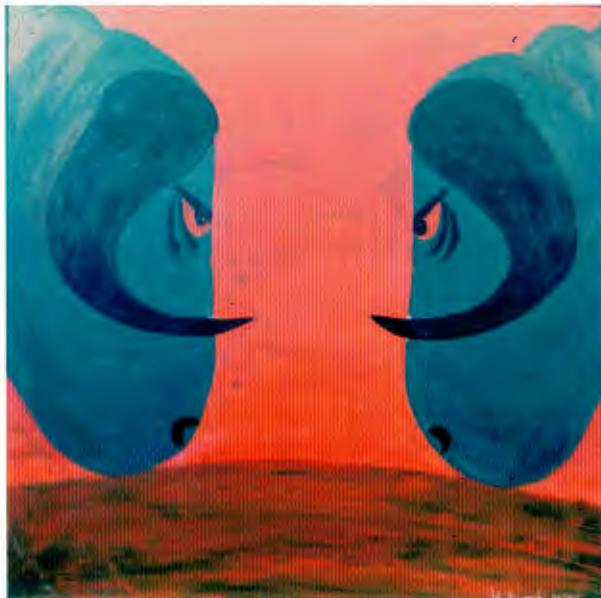

Иг. Шуров. Агропром.
Коллаж.
Фото автора

замечание

Иг. Шуров. Переговоры.
ДВП, нитро.
Фото автора

Обе работы
настоятельно
предлагалось
снять.
После долгих
переговоров
работы оставили.

В. Гончаров.
Этюд № 6 соч. Ф. Шопена.
Холст, масло

В. Павлов. Апория. Холст, масло
Фото Дм. Шурова

Послесловие

Прекрасный мартовский вечер 1987 года. В полуподвальной мастерской на улице Куйбышева сидят четверо художников: Николай Федорев, Виктор Гончаров, Валерий Дьяченко и я. Время позднее, но мы не собираемся расходиться. Мы недавно приехали сюда из Дома Культуры, что на улице Сурикова, 31, где неделю назад была собрана большая выставка неформальных художников. Целую неделю смонтированная выставка не была открытой, шла «битва» с управлением культуры за разрешение на официальное открытие этой экспозиции, но управление культуры требовало снять часть социально острых работ. И вот целую неделю, каждый вечер на нашем вернисаже проходили дебаты с партийными и комсомольскими работниками по поводу съема остросюжетных работ. Приглашались эксперты из Союза художников, искусствоведы и пр., и пр. Наконец управление культуры сдалось и Виктор Николаевич Олюнин дал официальное разрешение на открытие выставки в полном объеме. Первая свободная безжюрийная выставка была открыта. Художники одержали первую (и единственную) свою победу над советской идеологической машиной в образе отдела культуры Свердловского горисполкома.

Это радостное событие и забросило нас в «наш подвал» (полуподвальная мастерская, в которой работали Николай Федореев и я), где мы вчетвером, счастливые, сидели, пили чай (со спиртным в стране тогда была напряженка), обсуждали нашу победу и план проведения выставки.

Дело в том, что мы хотели каждый день проводить на выставке какие-нибудь мероприятия. В дальнейшим так оно и было. На выставке проходили поэтические и музыкальные вечера, встречи с художниками и искусствоведами, выступления бардов и какие-то обсуждения каких-то проблем. Нам тогда казалось, что мы совершили переворот в искусстве. Теперь всё пойдет по другому — по новому. Мы были счастливы!

Прошло 25 лет с того замечательного мартовского вечера. Рухнул советский строй, как напившийся до одури русский мужик, а рухнув, захлебнулся до смерти в собственной блевотине. Ушел из жизни Николай Федореев, Виктор Гончаров живет в Нью-Йорке, Валерий Дьяченко, забросив краски, философствует и что-то пишет, нет «нашего подвала», нет той страны — загнулся Союз Советских.

Революции в искусстве не произошло, а Союз Художников остался и молодые художники туда рвутся. Искусствоведы, как и прежде, занимаются

Встреча с молодыми поэтами

Фото А. Гордиенко

чем-то своим. Новое поколение культурологов и искусствоведов имеет весьма смутное понятие о «Суриковской» выставке. Им неведомы те трудности, которые возникали в ходе создания легендарной экспозиции, т.к. в большей степени проблемы были идеологического характера, а не художественного.

Поэтому два непосредственных участника тех далеких и интереснейших событий решили издать эту книгу, в которой собран материал об уникальном событии в культурной жизни нашего города, которое произошло в марте-апреле 1987 года прошлого века. Событие это – первая экспериментальная выставка неформальных художников, проходившая в Доме Культуры Ленинского района города Свердловска на улице Сурикова, 31.

Этот эксперимент дал толчок многим другим событиям и выставкам. В первую очередь это создание творческого объединения художников «Сурикова, 31» (название дал адрес ДК, где проходила выставка). Затем стали возникать и другие объединения: «Вернисаж», «Станция Вольных почт», «Картинник» и др., но про них – «уже другая песня».

Встреча с молодыми поэтами

Фото А. Гордиенко

Иг. Шуров.
Беспокоит меня Гондурас.
Холст, масло

Виктор Олюнин

Экспозиция

**Мастерская
Игоря Шурова**
г. Екатеринбург
тел. 8 908 902 57 11
8 903 083 68 19
e-mail: igshurov@yandex.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Полипринт»
620102, г. Екатеринбург,
ул. Начдива Васильева 1
тел. (343) 212-01-04
факс. (343) 212-17-96

Екатеринбург 2012

